

Моё детство прошло в маленьком подмосковном посёлке Кратово. Это был посёлок железнодорожников в 40 километрах от Москвы по Рязанской (тогда говорили – Казанской) дороге, основанный ещё в дореволюционное время Николаем Карловичем фон Мекком. По воспоминаниям очевидцев, это был очень деятельный, энергичный, широко образованный и высококвалифицированный инженер-путеец. Он задумал создать в этом чудесном уголке природы город-сад для рабочих и служащих железной дороги. Проектирование этого объекта было поручено молодым архитекторам и инженерам В. Н. Семёнову, А. И. Таманяну и А. В. Щусеву. Все трое впоследствии стали известными архитекторами, оставившими глубокий след в градостроительстве нашей страны.

К сожалению, замечательный проект города-сада не удалось осуществить в полном объёме – помешала начавшаяся Первая мировая война, а затем революция и гражданская война. Тем не менее, из предусмотренного проектом школьного городка, который включал в себя пять учебных заведений, была построена одна начальная школа, в которой я проучился шесть лет (в начале 2000 года её снесли), жилой посёлок с бревенчатыми домами и застеклёнными террасами, а также дровяные сараи на больших приусадебных участках. К домам был проведён водопровод и канализация. Всё это было сделано добротной и качественно и работает до сих пор, свыше ста лет без капитального ремонта! Кроме жилых домов, в посёлке были возведены церковь из красного кирпича, деревянная баня, пекарня и несколько магазинов. На небольшой речке Хрипанка, протекающей через посёлок, со дна которой брали песок для возведения железнодорожной насыпи, был вырыт огромный пруд около километра в длину с двумя живописными островами посередине.

О своём отце я помню немного. Вся память о нём свелась к одному его приезду из действующей армии. Мне было два с половиной года. Мы с мамой только что вернулись домой к маминим родителям из Ташкента, где были в эвакуации и жили на квартире в Кратово на Фаустовской улице у бабушки с дедушкой. Шёл второй тяжёлый год войны. Отец мой Виктор Артемьевич окончил перед войной Военно-инженерную Академию имени В. В. Куйбышева в Москве, морское отделение инженерно-командного факультета, и был направлен в 1938 году служить на Тихоокеанский флот на остров Русский под Владивостоком. Он поехал туда вместе с мамой, а в 1940 году мама вернулась домой к родителям, чтобы в спокойной обстановке родить ребёнка. После моего рождения мама вместе со мной вернулась к своему мужу. Во Владивостоке отцу выделили отдельную квартиру, но прожили мы в ней все вместе недолго. Военная обстановка на Дальнем Востоке была очень тревож-

ная. Ожидалось нападение Японии, и поэтому все семьи военных было приказано отправиться на запад по месту жительства родственников. Так в 1941 году мы вернулись к маминим родителям в Кратово, а 22 июня началась Великая Отечественная война. Осенью этого грозного года немецко-фашистские захватчики подошли близко к Москве. Фашистская авиация бомбила Москву и ближайшие пригороды столицы. Ежедневно по несколько раз в день объявляли воздушную тревогу, даже несколько бомб было сброшено на город Раменское в трёх километрах от Кратово. В этой обстановке мой дедушка, используя свои возможности на железной дороге, где он работал, отправил мою маму со мной в эвакуацию в Ташкент, а свою жену, мою бабушку, – в Сасово под Рязанью. В декабре 1941 года началось первое наступление советских войск под Москвой. Ценой невероятных усилий враг был отброшен от Москвы на дальние подступы, и военная обстановка частично стабилизировалась. Намучившись на чужбине в Узбекистане целый год без приличного жилья, с ограниченными средствами и без знания узбекского языка, без родственников и знакомых, с маленьким ребёнком на руках, который постоянно болел, мама при первой же возможности вернулась со мной назад в Кратово, к своим родителям. Моя бабушка к тому времени тоже уже вернулась из Сасова.

В октябре 1942 года отца перебросили с Дальнего Востока на Калининский фронт в артиллерийский дивизион в действующую армию, где шли тяжёлые ожесточённые бои. Он был тогда в звании капитана. Воинский эшелон, с которым он прибыл в Москву с Дальнего Востока, загнали в тупик на окружной железной дороге. Там он должен был быть переформирован и отправлен непосредственно на передовую, где шло наступление немецко-фашистских войск. Отцу дали увольнение на одни сутки, и он приехал к нам повидаться с семьёй.

В тот момент мама куда-то ушла, а я с бабушкой сидел на деревянном крыльце у входа в дом. В руках я держал своего любимого зайца с длинными ушами. Внезапно распахнулась и с треском от пружины захлопнулась калитка, и по дорожке вдоль аллеи из кустов сирени к нам быстро подошёл какой-то человек в военной форме. Бабушка вскрикнула, вскочила и бросилась к нему навстречу. Потом он подошёл ко мне, обнял меня и закружился со мной на месте, затем посадил меня на крыльцо, что-то тихо говорил и гладил меня по голове. Я только помню, что дал ему подержать своего любимого зайца. И всё. Дальше провал в памяти. Мама потом мне много раз рассказывала о том, что было дальше, но я этого ничего не помню.

Это была моя последняя встреча с отцом. В начале декабря 1942 года он погиб на Калининском фронте от смертельного ранения в живот осколком разорвавшейся мины. Папины письма к маме, письмо его сослуживца и очевидца его гибели, а также “похоронку” – официальное извещение о смерти – я до сих пор храню у себя...

На дворе буйствовала послевоенная весна, в тот год была поздняя Пасха. На деревьях набухли почки, и кое-где на солнышке начали распускаться молодые клейкие листочки. В воздухе пахло свежестью и слегка дымом от сгоревших накануне вечером прелых листьев и хвои, которые собирали в кучи и сжигали жители домов на своих участках. Я стоял у магазина, где уже толпились мои сверстники, ребята и девочки из нашей школы. В этот день обещали давать муку. Неожиданно со стороны станции подъехало несколько грузовых автомашин. Они остановились на дороге недалеко от нас, и мы увидели, как из них сначала вышли военные, вооружённые автоматами, а затем из накрытых брезентом машин вылезли люди в немецкой форме без знаков отличия. Это были военнопленные немцы. Они быстро достали из машин лопаты, кирпичи, ломы, прочий инструмент и принялись за работу. Эти пленные строили дорогу, разравнивали кучи песка, утрамбовывая его, и затем укладывали камни и брусчатку. Мы прекратили свои игры и с удивлением и ненавистью смотрели на пленных немцев. Так вот они, оказывается, какие, живые фашисты, которые напали на нашу страну, бомбили города, жгли деревни и сёла и убивали наших людей! Так близко немецких фашистов мы никогда не видели, разве только в кино.

На следующее утро, узнав о пленных немцах, на Муромскую улицу сбегалось полшколы наших учеников. Здесь были и младшие школьники, и ученики средних классов, и старшеклассники. Толпу ребят сдерживала охрана, не позволяя нам близко приближаться к пленным. Старшеклассники хмури-

смотрели на них, а мы, младшие школьники и четвероклассники, начали выкрикивать известные нам по кинофильмам о войне немецкие слова и выражения: “Хэнде хох”, “Гитлер капут” и прочее, и даже почему-то по-испански: “Но пасаран!” Затем мы начали бросать в немцев комки грязи и мелкие камни, валявшиеся вдоль дороги. После этого охрана отогнала нас от работающих пленных на значительное расстояние. В последующие дни эта вакханалия с нашей стороны продолжалась, но уже в меньшем масштабе. С каждым днём поглядеть на пленных и покидать в них камни приходило всё меньше и меньше ребят. В конце следующей недели нас осталось несколько человек. Это были ребята, у которых отцы погибли во время войны. Со всей детской непосредственностью и наивностью мы считали, что таким образом мы мстим им за наших отцов.

Охрана снисходительно смотрела на нас, а мы старались не промахнуться, чтобы случайно не попасть в наших солдат. Наловчившись метко стрелять из рогатки, я уже несколько раз попадал в немцев, и это было, как мне показалось, довольно ощутимо для них. Но вот я удачно прицелился и попал небольшим камешком с острыми краями прямо в лицо работавшему немцу, стоявшему ближе всех ко мне. У него по лицу потекла кровь. Стоявший недалеко от него охранник, увидев это, подозвал меня к себе, направив на меня автомат. Я не успел убежать, и мне пришлось идти к нему. Когда я подошёл, он начал меня ругать за то, что я ранил пленного. Я сказал, что я отомстил ему за моего погибшего на фронте отца. Ведь это сейчас он пленный, а на войне убивал наших родных и близких. Военный всё понял, ещё немного поворчал и перестал меня ругать. Во время нашего разговора ко мне подошёл тот самый немец, в которого я попал камнем, и, вытирая кровь с лица носовым платком, протянул мне губную гармонику, сказав что-то по-немецки. Я был страшно удивлён, но схватил эту гармошку и сразу побежал домой. Она была небольшого размера, коричневого цвета, с перламутровой отделкой. Это был потрясающий подарок! Все ребята мечтали о губных гармониках, которые после войны появились у нас на рынке. Они были очень дорогие, и, конечно, купить их наши родные не могли. Такая гармоника была только у одного из наших учеников, но он никому из нас не давал её даже подержать. А тут у меня появилась собственная! Потом я почувствовал, что совершил какой-то очень нехороший поступок. Ведь я взял подарок из рук врага, тем самым я как бы совершил предательство по отношению к памяти моего погибшего отца и к другим советским воинам, убитым немцами на нашей земле. Это чувство не давало мне покоя, я не знал, что мне теперь делать. Может быть, отнести её обратно и бросить к ногам ненавистного врага?.. Но в этом случае всё равно ничего не поменяется, так как я уже держал её в своих руках, и нет мне теперь прощения! Ночью я плохо спал, а утром решил посоветоваться с друзьями. На следующий день я принёс губную гармонику в школу, рассказал, при каких обстоятельствах я её получил, и показал ребятам. Никто из ребят не осудил меня за мой поступок, наоборот, радовались и завидовали мне, а кое-кто даже предложил пойти на дорогу и попросить у немцев ещё одну гармошку. Но это предложение все отвергли, и я постепенно успокоился.

С тех пор прошло более двадцати пяти лет... Я уже давно окончил школу, институт и работал в одном из объединений Государственного комитета по внешнеэкономическим связям. По роду работы мне предложили поехать в краткосрочную командировку в ГДР, поработать стендистом на ежегодной традиционной весенней Лейпцигской выставочной и торговой ярмарке. Я счёл большой удачей побывать в Германии, непосредственно познакомиться с жизнью и бытом послевоенных немцев и, конечно, обязательно посетить Берлин, где столько связано со Второй мировой войной, хоть издали посмотреть на Рейхстаг, где было водружено нашими прославленными бойцами знамя Победы и поставлена окончательная точка в жестокой и кровопролитной войне.

В последний день моего пребывания в ГДР я был приглашён на вечер советско-немецкой дружбы, который состоялся в доме культуры Группы советских войск в пригороде Берлина. После официальной части должен был состояться большой концерт с участием популярного американского певца и гитариста Дина Риды. Под аплодисменты на сцену вышла сначала большая советская делегация в составе представителей советского посольства, работников

торгпредства и офицеров из группы советских войск, а затем немногочисленная немецкая делегация во главе с бургомистром близлежащего небольшого городка. Открыл это мероприятие чрезвычайный и полномочный посол СССР в ГДР Пётр Андреевич Абрахимов рассказом о том, как Советский Союз помогал немецкой республике в строительстве нового социалистического общества. Затем выступил один из немцев, известный спортсмен, чемпион мира и Европы по лёгкой атлетике. Он рассказал о большой и плодотворной работе, которую проводило правительство по расширению массового спорта и поднятию престижа страны на мировой арене. Следующим держал речь наш старший офицер из группы советских войск и сообщил об успешном проведении совместных учений советских и немецких военных подразделений и задачах, стоящих по защите священных рубежей наших стран. И так далее по очереди выступали почти все, сидящие в президиуме за накрытым красным кумачом столом.

Естественно, все выступающие пользовались услугами переводчиков. Но вот подошла очередь выступить бургомистру города, и он, к удивлению всех, произнёс свою речь на русском языке без переводчика. Говорил он медленно, чётко выговаривая каждое слово, но было всё понятно. “Вы видите большой шрам на моей щеке, — начал он. — Это не ранение, полученное на войне, а метка на память, оставленная во время моего пребывания в плену”. Далее он рассказал, что по образованию он художник и работал в школе учителем рисования и ваяния. В 1943 году, когда военная обстановка на Восточном фронте стала угрожающей для фашистов, в армию стали забирать и художников, и учителей — всех людей мирных профессий. Так он попал в Россию с действующей армией, где служил в качестве интенданта, но непосредственно в военных действиях не принимал участия. В тяжёлых боях под Ростовом он попал в окружение и сдался в плен. В плену он работал сначала на возведении домов, а затем на строительстве дорог в окрестностях Москвы. В одном из поселений, где они строили дорогу, дети, живущие там, забрасывали пленных камнями. Охрана их отгоняла, но смотрела на их проделки сквозь пальцы. “И вот однажды, — продолжал рассказывать немец, — один из этих непримиримых мальчишек попал мне в щеку камнем с острыми краями и рассёк ее. Всё лицо у меня было залито кровью. Охранник, увидев это, испугался и, наставив автомат на мальчишку, который бросил в меня камнем, позвал его к себе и жёстко его отругал. Мальчишка был небольшого роста, и на вид ему было лет девять-десять, не больше. В глазах ребёнка я увидел испуг и ненависть ко мне. Война не только убивала людей, она калечила души как взрослых, так и детей. Все были охвачены ненавистью и злобой. Казалось, изменить это невозможно. У меня с собой всегда была губная гармоника, которую перед уходом на фронт подарил мне мой старший сын. Я не расставался с ней и в свободное время наигрывал с детства известные мне мелодии. Она напоминала мне семью и моих детей. Увидев рядом с собой этого плохо одетого, несчастного русского ребёнка со страшной злобой в глазах, я неожиданно для себя протянул ему свою гармонку — самое ценное, что у меня было на тот момент. Он с удивлением и промелькнувшей мимолётной радостью схватил её и убежал, а я почувствовал душевное облегчение, словно закончил рисовать очень сложную картину. Я больше никогда его не видел, как и остальных ребят, державших нас в осаде. Мне кажется, что делать добро людям лучше, чем воевать”. Так закончил он своё выступление.

“Боже мой! Ведь это же был я!” — пронеслось у меня в голове. Мне хотелось вскочить и закричать, чтобы он меня увидел. Картина далёкого детства встала перед моими глазами. Это же надо! Через столько лет судьба преподнесла мне такую встречу! Пока я так думал и вспоминал, мероприятие закончилось, и все, сидящие на сцене, начали расходиться. Я вдруг решил, что мне необходимо подойти к нему, пожать его руку и попросить прощения за ту детскую, наивную, но безжалостную и жестокую выходку. Я стремительно направился к выходу и, когда вышел наружу, увидел, как немцы садились в машину. Последним в неё сёл бургомистр, высокий пожилой мужчина с седой головой, со шрамом на лице. Двери захлопнулись, и машина, набирая скорость, быстро помчалась по безлюдной асфальтовой дороге. Я стоял и долго смотрел ей вслед. . .